
Дом,
где забывают
невест
von Roten

Антон Елисеев

Дом, где забывают невест

https://litres.ru/74720354
SelfPub; 2026

Аннотация

Реставратор старинной живописи Ева Мартен приезжает в Ротенхоф, чтобы изучить собрание картин. В полотне «Пустая гостиная» она замечает следы другого изображения — женского портрета, намеренно скрытого под краской. В архивах сохранились сведения о женщинах, которых никто не может вспомнить.

Хозяин имения Конрад фон Ротен знает о прошлом семьи больше, чем готов рассказать. Ева привыкла доверять фактам, а не чужим обещаниям. Но чем ближе она к разгадке — и к Конраду, — тем опаснее становится история, которую этот дом пытался забыть.

Содержание

Глава 1. Контракт с домом 4
Глава 2. Не трогать поверхность 15
Глава 3. Цена открытия 23
Глава 4. Невозможная гостья 31
Глава 5. Имя без лица 42
Глава 6. Два слоя 51
Глава 7. Другая женщина 60
Глава 8. Слишком новые фотографии 72
Глава 9. Мать помнит сына 80
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Антон Елисеев
Дом, где забывают невест

Глава 1. Контракт с домом

На въезде в Бернфельс навигатор в четвёртый раз посоветовал Еве повернуть под кирпич. За кирпичом стоял полицейский, регулировавший движение вокруг осенней ярмарки. Он узнал арендованную машину и теперь уже не сердился — просто поднял брови.

Ева опустила стекло.

— Там снова перекрыто, — сообщил он.

— Я догадалась. Кажется, моя машина верит в чудеса.

— Здесь лучше верить указателям.

На пятом круге она оставила автомобиль у пекарни и купила бумажную карту. Продавщица обвела карандашом старую дорогу вдоль реки.

— К Ротенхофу? — спросила она, заметив адрес на экране телефона. — Вам туда лучше до дождя. На подъёме скользко.

— Он так далеко?

— От города — нет. От нормальной жизни — смотря для кого.

Ева не успела спросить, что означают последние слова: в

пекарню вошли школьники, требовавшие сдачу с пяти евро, и женщина занялась ими. Наверняка это была обычная местная шутка.

В машине Ева разложила карту на пассажирском сиденье поверх договора. Восемь недель, обследование живописного собрания, заключение по сомнительным атрибуциям. Формулировку «подтвердить предполагаемые даты» она заставила переписать ещё до приезда. Никто не вправе нанять реставратора для подтверждения удобной даты. Конрад фон Ротен, владелец, не спорил: прислал исправленный экземпляр с собственной подписью. Ева подумала тогда, что он либо понимает профессию, либо пока не знает, как дорого ему обойдётся такая уступка.

Северная дорога шла между пастбищами. Над рекой стояла плотина с современной гидростанцией; за ней поднимались лесистые склоны. Эстервальд не соответствовал никакой открытке. На автобусной остановке рекламировали мобильную связь, возле старого моста двое рабочих спорили из-за трубы, на холме светилась вывеска шиномонтажа. Только над всем этим, на каменном выступе, высился Ротенхоф.

Сначала Ева увидела крышу. На одном скате работали кровельщики, другой поблёскивал новыми панелями. Потом показались окна галереи — длинные, тёмные, будто дом отвернулся от долины. У ворот охранник сверил паспорт, номер машины и пропуск; без особых церемоний показал пар-

ковку у рабочего корпуса.

Когда Ева выгружала кофр, ручка зацепилась за порог багажника. Она резко потянула, ругнулась по-французски и услышала за спиной:

— Если у вас там дорогая техника, лучше не начинать знакомство с ударов.

Женщина в тёмном пальто держала папку так, словно готова была отбиваться ею от посетителей.

— Рут Штайнер, куратор. Вы — госпожа Мартен?

— Ева. Если можно, только не помогайте с кофром.

— Даже и не собиралась. Мне уже поручали переносить музейный прибор. Он стоил больше моей машины, а всё равно перестал работать.

— После переноски?

— Нет. Но я до сих пор считаю это личным обвинением.

Рут придержала дверь. Внутри пахло мокрым известняком, воском и кофе. Под потолком шли новые кабели; по коридору катили тележку с защитными листами. Особняк жил не призраками, а строительной бригадой, которой кто-то обещал закончить ремонт к открытию.

— У нас сорок минут до совещания, — предупредила Рут. — Потом архитектор похитит меня до обеда. Начнём с мастерской.

Помещение оказалось лучше многих музейных лабораторий, в которых Ева работала: нормальная вытяжка, регулируемый свет, стол для осмотра, шкафы с учётом доступа. На

стене висела свежая карта эвакуации. Рут показывала оборудование быстро, с профессиональной гордостью. Она сразу рассказала, какое хранилище пока не готово, где недостаточно старых климатических записей и какие ключи лежат у дежурного. Еве понравилось, что женщина не маскирует недоделки.

— Вот ваша зона, — сказала Рут. — Чистку порученных полотен согласуем отдельно. И я очень прошу не превращать каждый вопрос в остановку выставки.

— Если всё в порядке, остановок не будет.

— Прекрасный ответ. Почти ничего не обещает.

— Зато годится для печати.

Рут усмехнулась и повела её через стеклянную дверь в галерею.

Зал был высок и холоден. Часть картин сняли, оставив на обоях светлые прямоугольники. Под окнами лежали упакованные светильники, в нише стояла лестница; старые портреты смотрели поверх всего этого с выражениями людей, привыкших считать ремонт плохим воспитанием.

Ева остановилась возле картины, изображавшей пустую гостиную.

Комната на холсте была почти бесцветной: окно, кресло, столик, раскрытая книга. Художник старательно убрал из неё всякий след живого присутствия. На дальнем простенке сохранился странный рельеф: при боковом свете мазки шли под углом к нарисованной стене.

— RH-17, — сказала Рут. — Для первого зала. Конец восемнадцатого века, предположительно.

Ева не ответила.

— Что-то не так?

— Кто установил дату?

— Семейная опись. Потом её повторяли в нескольких каталогах.

— А кто осматривал красочный слой?

Рут заглянула в карточку. Перевернула её и, словно надеясь, что сведения находятся на обороте, провела пальцем вдоль края.

— Есть запись о ремонте рамы.

— Рамы?

— Да.

— Тогда с датой самого холста нам пока не повезло.

Рут прижала карточку к папке.

— Госпожа Мартен, половина буклета уже набрана.

Ева посмотрела на пустую гостиную. В обычном свете несоответствие почти исчезало. Хотелось подойти поближе, провести лампой вдоль поверхности, увидеть, что скрывает плоская стена. Но даже одна попытка угадать была бы сейчас преждевременна.

— Посмотрите отсюда, — предложила она Рут и отступила в сторону. — Свет идёт из окна. Видите выступы на стене?

Куратор подошла.

— Вижу. След старой реставрации?

— Может быть. Как и авторская переделка. Я ещё ничего не трогала. Но ставить дату на этикетку — всё равно что подписать чужое письмо, не прочитав его.

— Не очень лестное сравнение.

— Для письма или для нас?

Ответить Рут не успела. В зале раздался мужской голос:

— Рут, пожарный проход опять перекрыт.

Он принадлежал высокому мужчине, который остановился возле лестницы. Пиджак сидел на нём безукоризненно, а волосы у виска торчали так, будто он целый час поправлял их раздражённой рукой. Он дождался, пока сотрудник откатит тележку в сторону, и только после этого подошёл.

— Конрад фон Ротен. Рад, что вы добрались. В городе сегодня половина дорог закрыта.

— Я успела познакомиться со всеми объездами, — ответила Ева. — Один полицейский наверняка запомнил меня по номеру.

Конрад улыбнулся, но его взгляд уже остановился на RH-17.

— Что здесь происходит?

— Госпожа Мартен оспаривает дату, — сказала Рут.

— Не оспариваю. Пока не могу подтвердить.

— Разница существенная? — спросил Конрад.

— Для картины — да. И для вашей страховки тоже.

Он взял карточку. Читал внимательно, не спеша делать вывод. Ева заметила след строительной пыли на его ботин-

ке; очевидно, владелец знал этот дом не только из парадного кабинета.

— Если датировка неверна, — сказал он, — мы потеряем центральный предмет первого зала.

— Вы потеряете подпись под ним, — поправила Ева. — Сама картина останется.

Рут посмотрела в потолок.

— Это, конечно, утешает печатников.

Конрад ещё раз оглядел изображение.

— Сколько вам нужно времени?

— Для первичного осмотра — несколько дней. Для окончательного заключения пока не назову срока.

— Открытие через семь недель.

— В договоре это написано пять раз. Я помню.

Ева почувствовала, что сказала резче необходимого. Конрад мог бы возразить, но лишь сложил карточку пополам и разгладил сгиб большим пальцем.

— Простите. Я всё время думаю о семидесяти сотрудниках и подрядчиках, которым обещал эту дату.

— Я понимаю. Но если мы сейчас примем удобную версию, потом придётся объяснять её им и посетителям.

— Вы предлагаете убрать полотно из плана?

— Предлагаю не печатать утверждение, которое никто не проверил.

Наступила пауза. За окнами грохнул металлический лист, и сразу послышался чей-то окрик.

— Рут, — сказал Конрад наконец, — когда у нас последний срок корректировки?

— В идеале — вчера.

— А в действительности?

— Через три недели. Если уговорим типографию.

— Значит, пока ничего не печатаем по RH-17.

Рут прищурилась.

— Вы даже не дадите мне поспорить?

— С типографией? Разумеется. Там вы будете незаменимы.

Уголок её рта дрогнул. Ева была уверена, что женщина ещё не простила им эту уступку.

Конрад повернулся к ней:

— Вам покажут все доступные описи. Если где-то обнаружится пробел, скажите мне. Я не хочу покупать удобную ошибку.

Он произнёс это просто. Ева запомнила слова — ещё не зная, что позднее они вернутся к обоим самым болезненным образом.

После знакомства Рут повела её в фотофонд. Там стояли коробки со снимками, карточки и прежние семейные альбомы. Ева быстро нашла несколько описаний RH-17. Названия почти совпадали, даты переходили из одной книги в другую без указания источника. В одной описи было написано «комната у северного окна», в другой — «пустая гостиная». Ни в одной не стояло имени художника.

Она запросила исходные снимки, старые журналы перемещений и данные о микроклимате. Ханну Фогель, управляющую, обещали познакомить с ней на следующий день.

В пятом часу Рут заглянула в фонд.

— Я вас, кажется, потеряла.

— Вы же знаете, где я.

— Это хуже. Вы уже успели раскритиковать четыре наши папки?

— Только их переписчиков. Папки ни в чём не виноваты.

Рут оставила на столе лист с расписанием и маленький бумажный пакет.

— Булочка. У нас сегодня обед у всех прошёл мимо. Не хочу потом отвечать за смерть специалиста от голода.

Ева поблагодарила её. Рут уже повернулась к двери, когда остановилась.

— Вы действительно думаете, что там что-то спрятано?

Ева взглянула на снимок пустой гостиной.

— Пока думаю, что кто-то не хотел или не умел описать то, что видел. Это разные вещи.

— А если картина окажется ничем не примечательной?

— Тогда мы сможем честно сказать, что проверили её.

Рут ушла.

Вечером Ева вернулась в галерею с обычным фонарём для первичного наблюдения и блокнотом. Ни один инструмент не касался поверхности. Она стала сбоку, пустила косой свет вдоль живописи и увидела, как под изображённой стеной

проступает цепочка едва заметных выступов.

Они не складывались ни в известную архитектурную деталь, ни в понятную фигуру. Но мазки не принадлежали пустоте, изображённой сверху.

Ева выключила свет, потом включила снова. Выступы оставались.

За спиной послышались шаги. Конрад остановился у входа, держа пиджак на руке.

— Вы ещё работаете?

— Я ещё смотрю.

Он подошёл не ближе, чем позволяла обозначенная граница.

— Нашли что-нибудь?

— Нашла причину не доверять этикетке.

— Для вас это хороший день?

Ева посмотрела на холст.

— Для картины, возможно, даже очень.

Конрад некоторое время молчал, потом сказал:

— Надеюсь, за восемь недель вы узнаете о ней больше, чем наша семья за два столетия.

Она не ответила. В этих словах было слишком много уверенности, будто историю можно получить по заказу и в срок.

Когда он ушёл, Ева сделала первую запись: «RH-17. Предварительное наблюдение. Поверхность неоднородна. Источник датировки не подтверждён. Требуется исследование без вмешательства».

И только потом, уже собираясь закрыть блокнот, добавила от руки, для себя: «Почему пустая комната выглядит так, словно на её стене что-то закрасили?»

Она погасила лампу. В темноте галереи за окнами отражались деревья, и на несколько секунд Ева перестала видеть картину вообще.

Это было неприятное чувство. Она включила общий свет и вышла.

Глава 2. Не трогать поверхность

Шестого октября в галерее было холоднее, чем в мастерской. Ева проверила два датчика, нахмурилась и записала разницу. На полу ещё лежали вчерашние метки для штатива. Один рабочий успел переставить стремянку прямо поверх них.

— Можете отодвинуть? — попросила она.

— Мы скоро закончим.

— Значит, успеете до моего первого снимка.

Рабочий усмехнулся, но лестницу убрал.

Ева любила ранние часы в музеях: до открытия дверей любой зал становился просто комнатой с вещами, а не обещанием впечатления. Портреты висели молча, пыль была пылью, свет ложился на старую краску без всякой символики. Только RH-17 стояла перед ней как нарочно плохо заданный вопрос.

Она установила камеру, сверила расстояние и сделала общий снимок. В прямом свете изображённая гостиная казалась аккуратной и скучной. Тональная стена, окно, кресло. В косом свете между креслом и окном обнаружилась неровная линия, которая не совпадала ни с одной видимой архитектурной деталью.

Ева переместила лампу на другую сторону. Тень повернулась, рельеф остался.

— Красиво, — сказала вошедшая Рут, заглянув в монитор. — Мы можем так осветить картину на выставке?

— Если хотите, чтобы посетители увидели, насколько вы плохо её изучили.

— Утро только началось, а вы уже беспощадны.

Рут принесла два кофе. Один поставила на подоконник, другой протянула Еве. Та отодвинула чашку подальше от техники.

— Спасибо. После съёмки.

— Вы говорите это так, как будто кофе способен испортить опись.

— Нет. Зато на объективе оставляет прекрасные пятна.

Рут посмотрела на монитор серьёзнее. При боковом освещении поверхность напоминала карту старого русла, скрытого под ровной почвой.

— Это прежняя картина?

— Это прежние мазки. Пока такая формулировка точнее.

— И сколько времени понадобится, чтобы вы назвали их картиной?

— Столько, сколько потребуется.

Рут поморщилась.

— Вы совершенно не подходите для презентаций спонсорам.

Ева улыбнулась, но, когда повернула изображение на мониторе, улыбка исчезла. По нижнему краю простенка красочный слой имел мелкие трещины, почти невидимые без

увеличения. На разных участках они прерывались, словно поверхность составляли не одинаково старые материалы.

— Кто назначил пятничную чистку? — спросила она.

Рут удивилась.

— Вы откуда знаете?

— Вчера видела расписание. На RH-17 тоже стоит отметка.

— Поверхностное удаление пыли. Подрядчик опытный.

— Уберите её из графика.

— Без осмотра вы уже запрещаете работу?

— Осмотр идёт. Сначала я должна убедиться, что верхняя запись выдержит вмешательство.

— Это обычная профилактика.

Ева поднесла монитор ближе.

— Вот эта граница. Видите, как разнится фактура? Если верхний слой держится плохо, даже лёгкая чистка способна его задеть. Мы получим красивую дырку. Я бы предпочла изучить её до появления.

Рут встала так резко, что стул скрипнул по полу.

— У нас подрядчик приезжает по утверждённому расписанию. Его нельзя переносить из-за каждой трещинки.

— Можно. Если трещинка на единственном оригинале.

— Вы знаете, сколько с нас возьмут за отмену?

— Меньше, чем за восстановление повреждённого полотна. Хотя я бы не советовала проверять это на практике.

Рут взяла телефон, потом убрала обратно. Ева видела, что

та сдерживает раздражение, направленное не столько на неё, сколько на невозможность остановить всё происходящее. За дверью работал перфоратор; у галереи не было времени, чтобы стать лабораторией.

— Покажите полностью, — сказала наконец Рут. — Без лекции. Просто где опасно.

Они склонились над снимками. Ева отмечала трещины, рельеф и нарушенную границу красочного слоя. Рут спрашивала о конкретном действии; от общих формул обе отказывались.

Когда появился Конрад, они уже спорили о стоимости переноса.

— У нас проблема? — спросил он.

— У нас специалист с очень дорогим словом «стоп», — ответила Рут.

Ева повернула к нему снимок.

— Местами верхний слой выглядит нестабильно. В пятницу планировалась чистка. Я хочу приостановить её до оценки поверхности.

Конрад изучил изображение. Не пытался угадывать, что там изображено.

— Рут, договор позволяет это?

— Да. Но деньги мы потеряем.

— Сколько?

Она назвала сумму. Конрад не вздохнул, не пошутил. Только попросил прислать условия отмены и возможную но-

вую дату.

— На будущее, — добавил он Еве, — я бы предпочёл узнавать о таких вещах раньше, чем они станут срочными.

— Я приехала вчера.

— Разумеется, — сказал он и, заметив собственную нелепость, чуть поморщился. — Претензия снимается.

Рут прыснула.

Через час подрядчику отправили уведомление. Рабочий календарь потерял пятничный пункт, а Ева получила возможность продолжить съёмку без угрозы вмешательства.

В мастерской она раскладывала отпечатки на длинном столе, когда пришла Ханна Фогель. Ева узнала управляющую сразу: аккуратный узел седых волос, ключи на шнурке, выцветшая синяя кофта под рабочим жакетом. Ханна несла толстую тетрадь, прижимая её к груди, будто та могла выскользнуть и убежать.

— Рут сказала, вам нужны старые записи, — сообщила она. — Двадцать лет хозяйственных работ. Более ранние книги пока не нашла.

— Спасибо. С чего начать?

— С того, что написано карандашом. Чернила у нас в восьмидесятых были скверные. И не верьте переплёту: страницы иногда менялись местами.

Ева открыла тетрадь.

— Вы вели её сами?

— Часть. За чужую орфографию не отвечаю.

Внутри были сведения об отоплении, ремонтах, переносе мебели, закупке ламп. Иногда между счетами встречалась пометка о картинах. Ева нашла старое упоминание RH-17, но без подробностей живописного слоя.

— Этот зал часто ремонтировали? — спросила она.

— Регулярно. То крыша течёт, то окна ведёт. А люди всё равно хотят думать, что здесь веками ничего не менялось.

Ханна присела на край стула, не снимая пальто.

— Густав говорил, что дом — это механизм, который всю жизнь ломается на разных скоростях. И требовал беречь старые детали.

— Вы хорошо его знали?

— Двадцать девять лет работала. Хватит, чтобы не верить ни одной красивой книге о нём.

Ева подняла глаза.

— Почему?

— Потому что в книгах он никогда не забывает дни рождения сотрудников. А я три раза напоминала ему о дне рождения садовника. Зато когда у того заболела жена, Густав оплатил лечение без вопросов. Пишите об этом, если будете писать.

Ханна поднялась и ушла, не предложив продолжить разговор. Ева осталась над тетрадью. В старых домах хозяйственные люди часто знали больше семейных историков.

К вечеру снимки показали одну устойчивую особенность: под видимой стеной существовал рельеф, связанный с иной

композицией. Ева не могла ещё назвать её фигурной, но теперь точно видела, что верхняя краска лежит поверх более ранних линий.

Она сидела у монитора, когда дверь тихо открылась. Конрад стоял на пороге с папкой расходов.

— Мне сказали, исследование продолжилось.

— Да. Ваша отмена оказалась полезной.

— Моя отмена оказалась платной.

— Зато без повреждения картины. Пока.

Он улыбнулся устало.

— Вы всё время оставляете себе маленькое «пока».

— Я работаю с краской, которой двести лет. Она не читала наш график.

Конрад подошёл к столу. На крупном снимке изгибался невнятный выступ.

— Вы знаете, на что это похоже?

— Хочу сначала услышать вашу догадку.

— На край чьего-то плеча.

Ева почувствовала, как по спине прошёл холод. Она тоже об этом думала. И злилась на себя: хорошая догадка слишком соблазнительна.

— Может быть. Я пока называю это линией.

— Тогда почему вы смотрите на неё уже десять минут?

— Потому что мне хочется ошибиться в хорошем смысле.

Он не спросил, что это значит.

Ева записала в протоколе: «Возможная нижняя фигурная

композиция — проверить по независимым данным». Потом отодвинула снимок, чтобы перестать видеть в нём человека раньше времени.

Но когда выключила лампы, тёмный изгиб остался перед глазами.

Глава 3. Цена открытия

Седьмого октября Конрад обнаружил в отчёте архитектора слово «незначительный» и задал плохой вопрос:

— Сколько?

Рут, сидевшая напротив, взяла у него лист.

— Речь о перилах.

— Я вижу. Сколько будет стоить их укрепить?

Она назвала сумму. Конрад переспросил, не ослышался ли. Рут подтвердила, что это только предварительная смета.

— За эти деньги можно построить лестницу в Бернфельсе.

— Новую, — согласилась она. — Эта старая. Старым вещам нравится быть дорогими.

Конрад поставил рядом ещё один счёт: страховка галереи, аренда подсветки, зарплата новых смотрителей. Взгляд упал на красную пометку возле RH-17. Профилактическая чистка отменена. Подрядчик выставил счёт за перенос.

— Вам очень не нравится эта цифра, — сказала Рут.

— Я стараюсь не показывать чувства в бухгалтерии.

— Плохо получается.

Она перелистнула папку.

— Теперь о госпоже Мартен. Она хочет осмотреть оборот картины, провести дополнительную съёмку и запросить всё, что осталось в старых журналах.

— Значит, организуйте.

— Вы даже не спросили, сколько это займёт.

— Спрашивал вчера. Ответ не изменился бы.

Рут отложила папку. Она умела спорить без почтительных вступлений и потому оставалась в Ротенхофе дольше некоторых людей, чей профессионализм начинался с комплимента хозяину.

— Мы обещали открыть галерею. Я подобрала команду, договорилась с городским музеем, добилась поддержки фонда. Теперь каждый день кто-нибудь сообщает мне, что ещё одно полотно нельзя трогать, ещё одну подпись надо проверить и ещё одну стену перекрыть. Вы понимаете, что я не могу принести спонсорам карточку со словом «неизвестно»?

— Можно принести две карточки. На одной написать «неизвестно», на другой — сколько стоит узнать.

— Смешно.

— Не очень.

Рут смотрела на него, сердясь и одновременно понимая, что спорит не с человеком, который хочет сэкономить на науке. Конрад подписал договор с независимым реставратором, когда уже понимал размер обязательств. Теперь оставалось выдержать собственное решение.

— Ладно, — сказала она. — Перенесу чистку. Но если обнаружится, что мы держали всю выставку из-за обыкновенной переделки девятнадцатого века, я потребую права произнести несколько очень неприятных слов.

— Потребуйте сейчас. Освободим расписание.

Она фыркнула и ушла.

Конрад открыл письмо финансового директора. Тот осторожно предлагал заменить некоторые постоянные ставки временными контрактами — до открытия. Предложение выглядело разумным на бумаге. Конрад уже видел, как новая смотрительница показывала дочери зал, где ей предстояло работать. Женщина рассказывала ребёнку о будущей форме, как о настоящем месте в мире, а не о временной услуге.

Он ответил: «Трудовые договоры не менять. Найдите сокращения в рекламной части».

Через минуту поступил звонок от архитектора. Полчаса ушло на доказательство того, что пожарный выход нельзя закрывать ради красивого стенда, даже если его обещают открыть при проверке.

К полудню Конрад устал так, словно перенёс сам все картины.

Ханна вошла без стука. На ней был рабочий жакет, в руках — тетрадь в потёртом переплёте.

— Нашла записи по осушителю за две тысячи восьмой, — сказала она. — Госпожа Мартен их просила.

— Передайте.

Ханна не пошла к двери.

— Это всё?

Конрад посмотрел на неё.

— А что ещё?

— Вам вчера было интересно, кто приезжал к Густаву. Я проверила фамилии. В журнале есть фотограф, несколько специалистов, какие-то сокращения. Не стану угадывать, кто из них женщина на снимке.

Он знал, почему спрашивал. В нижнем ящике стола лежал конверт с именем Нины Белль. Три года назад тот попал к нему вместе с наследством. По датам, записанным Густавом, Нина работала в галерее осенью 2008-го. Остальное было хуже любого семейного слуха: письма, которые намекали на близость, и пометки человека, пытавшегося по бумагам восстановить то, чего не помнил.

— Вы помните Нину Белль? — спросил Конрад.

Ханна нахмурилась.

— Нет. Но у Густава бывало много приезжих. Скажите, какая она была?

Конрад понял, что хотел услышать невозможное. Если Ханна узнает имя, он сможет отодвинуть собственный вопрос. Если не узнает, ему придётся признать странность старых записей.

— Не важно, — ответил он. — Передайте тетрадь в фонд.

Ханна положила её на край стола.

— Я не люблю, когда вы говорите «не важно» о том, что только что спрашивали.

— Я сегодня не слишком удачный собеседник.

— Вы сегодня хозяин дома. Удачным собеседником будете вечером.

Она вышла.

Конрад открыл нижний ящик.

Конверт хранился между папкой нотариуса и старым планом крыши. На его лицевой стороне Густав написал: «RH-17. Сентябрь. Не путать последовательность».

Первый лист содержал календарь съёмки с третьего по двадцать шестое сентября 2008 года. Почти каждый день имел отдельный номер кадра. В другой папке Густав мог бы объяснять такое усердие неисправным осушителем. Конрад находил и соответствующие счета. Но там, где должны были быть простые замечания о лаке, лежали письма к Нине и поздние записи, в которых Густав сам удивлялся их существованию.

«Не знаю, почему держу её фотографию», — было написано на одном из последних листов.

Конрад прочёл эту фразу ещё при разборе наследства. Тогда подумал, что старик потерял память. Густав действительно забывал бытовые вещи в последние годы. Но записи относились к гораздо более раннему времени; на других страницах его почерк был ровным, расчёты — точными.

Он вынул письмо, на котором Густав подписал имя Нины, и задержался. После смерти хозяина все говорили, что тот прожил один, почти без близких. Вступительная статья к выставке строилась вокруг благородного одиночества человека, посвятившего себя фамильному наследию.

Если показать это письмо, придётся переделать статью.

Возможно, отвечать перед родственниками пропавшей женщины. Возможно, объяснять, почему в доме никогда не говорили о ней.

Он не хотел скандала сейчас.

Телефон завибрировал. Рут переслала запрос Евы: полный доступ к описям и журналам, относящимся к RH-17. Никакой фамилии в запросе не было. Конрад положил письмо обратно и ответил: «Фондовые материалы предоставьте. Личные бумаги Густава пока разберу сам».

Слово «пока» будто превращало сокрытие во временную меру.

В галерею он спустился после обеда. Ева стояла с Рут возле стола и объясняла, какие условия нужны для осмотра оборота картины. Она не пыталась получить разрешение красивыми словами: просто показывала, как будут держать полотно, где остановят работу при риске и что запишут в журнал.

— Для всех перемещений нужен один ответственный, — сказала она.

— А если крепление окажется нестабильным? — спросила Рут.

— Вернёмся к плану, не к инструменту. Сперва поймём, что именно держит раму.

Конрад подписал разрешение. Ева поблагодарила коротко и уже собиралась вернуться к столу, когда заметила след известковой пыли на его рукаве.

— Вы ремонтируете крышу лично?

Он посмотрел на рукав, раздражённо стряхнул белую крошку.

— Я пытался выяснить, почему мастер показывает мне новую смету, когда старая ещё лежит у него в кармане.

— Успешно?

— У меня теперь две сметы.

Ева рассмеялась — неожиданно громко для галереи. Конрад почувствовал нелепое желание снова сказать что-нибудь, чтобы услышать этот смех. Вместо этого спросил, не нужна ли рабочая лампа другого типа. Она ответила, что сначала проверит имеющуюся.

На лестнице он остановился и вспомнил конверт.

Ева честно объясняла, почему нельзя прикасаться к картине без обследования. Он только что смотрел, как она подписывает условия. И сам держал в столе бумагу, которую не пожелал дать ей прочесть.

Вечером Конрад достал письмо ещё раз. Мог позвонить Рут, отправить сканы, попросить оформить конфиденциальный доступ. Он положил лист рядом с телефоном и начал писать сообщение.

«Нашёл ещё один источник…»

Потом услышал по коридору шаги Ханны и повернул письмо лицом вниз, как школьник, которого застали за чужой тетрадью.

Когда дверь закрылась, Конрад стёр сообщение.

Внизу, в галерее, продолжали готовить выставку, которой

он обещал дать правдивую историю дома. Письмо осталось на столе, под тяжёлой кожаной папкой. Оно не занимало много места.

Глава 4. Невозможная гостья

Она пришла в фотофонд с двумя перечнями: семейными снимками, которые Рут разрешила использовать для исследования происхождения коллекции, и иллюстрациями, уже отобранными для будущего выставочного каталога. От неё не требовалось анализировать чьи-либо семейные отношения. Однако история живописи нередко обнаруживалась на втором плане фотографии: полотно за плечом владельца, номер на ящике, положение светильника, другая рама.

На первом листе сравнительной таблицы стояло: «Галерея, после 2000 года». На втором: «Неустановленные интерьеры, 1980–2010». Под фотографиями Ева оставила пустые строки для проверенных дат. Сотрудник фонда помог ей найти соответствующие коробки и затем ушёл заниматься инвентаризацией мебели.

Снимки Густава фон Ротена были разными. На официальных он стоял возле парадной лестницы или беседовал с чиновниками на открытии благотворительных вечеров. На домашних — сидел за письменным столом, в саду, на фоне ещё не отремонтированной галереи. На поздних фотографиях он выглядел старше, чем показывал каталог, но Ева не стала переставлять даты по внешности человека. Подобное впечатление слишком легко обманывало.

В одной из коробок находились обычные бумажные от-

печатки начала двухтысячных, вложенные в прозрачные архивные конверты. Некоторые имели оборотные подписи, другие были привязаны к учётной книге только номерами. Стеклянных негативов здесь не было. Ева специально проверила описание: цифровые файлы, отпечатки лабораторной печати, несколько снимков на плёнку. Старые стеклянные пластины хранились отдельно.

Она нашла изображение Густава в галерее и поставила его рядом с выбранным для рекламы. Фон совпадал: тот же простенок, то же окно, тот же край стола. Но на одном снимке пожилой хозяин стоял один, а на другом рядом с ним была женщина.

Женщина смотрела не на фотографа, а на разложенные перед ними документы. На ней была светлая рабочая блуза, рукава закатаны, волосы убраны с лица. Густав стоял, слегка повернувшись к ней, и держал в руке картонный паспарту. В положении их фигур не было ничего, что доказывало близость. Зато было ясно другое: они вместе работали в галерее, и женщина не случайно попала в кадр.

В рекламном наборе этого снимка не оказалось.

Рут втиснула в папку новый макет выставки так сильно, что он выгнулся дугой.

— Если на обороте обнаружится ещё одна фамилия, — сказала она, — мне придётся печатать этикетки на рулонах. У вас есть какой-нибудь предел находок?

— Есть. Дно коробки.

— Не обнадёживает.

Ева сравнила номера в реестре. Изображение с женщиной числилось в фондовой коробке, а портрет одинокого Густава — в презентационной подборке. Рут могла выбрать более удобный кадр по десятку причин. Но подпись под ним уже выходила за пределы фотографии: «Густав фон Ротен, посвятивший всю жизнь собранию и не разделивший её ни с кем».

Ева прочитала строку дважды.

Она сделала запрос по инвентарному номеру фотографии и открыла фондовый журнал. В графе «происхождение» стояло: «Галерея, сентябрь 2008 года, съёмка в период технического обследования». Подпись о передаче в фонд подтверждала, что файл получен из семейного архива, а отпечаток изготовлен позже для просмотра. Дата не была выведена по костюму или виду комнаты: её сопровождала запись о серии снимков.

Ева перенесла данные в таблицу и отдельно отметила неизвестную женщину.

Через несколько минут в фотофонд зашла Ханна Фогель. Она принесла папку с актами передвижения мебели и, заметив раскрытую коробку, спросила:

— Уже добрались до Густава?

— Пытаюсь понять, когда именно снимали галерею. Этот кадр относится к техническому обследованию?

Ханна подошла. Ева показала изображение, не вынимая

его из защитного конверта.

— Комната та же, — сказала управляющая. — У окна тогда стоял другой шкаф. После ремонта его убрали.

— А женщину знаете?

Ханна чуть наклонилась. Её лицо оставалось спокойным; она не делала вид, будто память вот-вот вернётся.

— Нет. Может быть, кто-то из приезжих специалистов.

— Вы в две тысячи восьмом уже работали здесь?

— Конечно. Больше десяти лет.

— И совсем не припоминаете её?

— Лицо не узнаю. Но я не запоминаю всех, кто приезжает на несколько дней. В хозяйственной книге должны быть фамилии.

— Можно проверить журналы за сентябрь?

— Те, что хранятся в хозяйственном корпусе, да. Часть уже забрала госпожа Штайнер. Я найду остальное.

— А этот стол ещё в галерее?

— В запаснике. Он был неудобный, слишком низкий для работы. Густав его любил и не разрешал выбрасывать.

Ханна улыбнулась едва заметно. Это была первая подробность о прежнем хозяине, сказанная без музейных формулировок.

— Он был строгим человеком? — спросила Ева.

— Разным. За мебель мог спорить часами. Когда у нас заболел садовник, сам заплатил за лечение. Потом вычел из бюджета сумму на новую ограду и целый год ворчал, что

парк выглядит запущенным.

— Значит, умел выбирать.

— Умел беспокоиться. С выражением лица человека, которому это запрещено.

Ева запомнила фразу, но не записала. В рабочих заметках ей нужны были проверяемые сведения.

— В презентации написано, что Густав никого к себе не подпускал, — сказала она.

— Это сочинили не при мне, — ответила Ханна. — Он не любил гостей, но это не то же самое, что не любил людей.

Она взяла папку и направилась к выходу, потом обернулась.

— Если будете писать о нём, спросите Рут, что подтверждено документами. Человека легко сделать удобнее после смерти.

Ева осталась над снимком. Она и сама думала о том же.

Девятого октября Рут собирала последние материалы для типографии. По всему восточному крылу носили образцы этикеток, сверяли размеры рам и ругались по телефону с подрядчиком по подсветке. Ева пришла в её кабинет с тремя распечатками.

— Мне нужно обсудить один текст, — сказала она.

— Только не говорите, что ещё один портрет невозможно датировать.

— Здесь речь не о датировке.

Рут отложила телефон.

Ева разложила снимки на столе: официальный портрет Густава, фондовый кадр с женщиной и скан учётной записи. Отдельно — рекламная подпись.

— Эта женщина находится в серии сентября две тысячи восьмого. На фотографии явно идёт работа с коллекцией. Подпись «никогда не разделял жизнь ни с кем» фактически непроверяема.

Рут взглянула на снимок.

— Я видела его. Для презентации взяла другой, он лучше по свету.

— Я спрашиваю не о выборе изображения. На каком основании написан текст?

— Густав не был женат. Детей нет. В последние десятилетия он жил один. Это общедоступные сведения.

— А была ли у него близкая женщина, вы знаете?

— Нет.

— Тогда и писать, что не было, нельзя.

Рут сложила руки на столе.

— Мы готовим выставку истории собрания, госпожа Мартен. Не биографию каждого человека, который возле него сфотографировался.

— Именно поэтому не нужно придумывать биографию в одном предложении.

На столе зазвонил телефон. Рут сбросила вызов, но экран снова загорелся: «Типография». Она прижала его ладонью.

— Вы встанете рядом со мной, когда они начнут кричать?

— спросила она.

— Я могу объяснить основание поправки.

— Им не нужно основание. Им нужна строка, которую больше никто не изменит.

Ева посмотрела на женщину на снимке. Та стояла с раскрытой папкой и, кажется, кого-то перебивала. Неподходящий материал для гладкой легенды.

Рут медленно взяла лист с рекламной подписью.

— «Не разделивший жизнь ни с кем» — литературное обобщение.

— Оно утверждает факт, которого вы не проверяли. Его прочтут люди, знавшие Густава. Может быть, родственники этой женщины. Как вы будете объяснять им, что это просто красивая фраза?

— У вас есть основания считать, что между ними были отношения?

— Нет.

— Тогда зачем вы говорите о родственниках?

— Потому что у женщины есть имя, даже если мы его пока не знаем. А у публикации есть последствия.

Рут встала и прошла к окну. Снаружи работники разгружали деревянные конструкции для стендов.

— Вы приехали исследовать живопись. Уже остановили чистку. Теперь предлагаете переписать семейную историю на основании одного снимка.

Ева не повышала голос.

— Я предлагаю убрать одну недоказанную фразу и проверить подпись к фотографии. Ни одного вывода о личных отношениях я не делаю.

— Вы понимаете, сколько раз придётся согласовывать текст? У нас подписи связаны с рекламой, буклетами и договорами с партнёрами.

— А я понимаю, сколько раз его потом могут перепечатать, если он окажется неверным.

Рут потёрла переносицу.

— Я не могу менять каждое слово, на котором кто-нибудь усмотрит неточность.

— Это не «кто-нибудь». Это ваша собственная коллекция и ваша научная репутация.

Рут посмотрела на неё устало и, кажется, с уважением, хотя раздражение никуда не исчезло.

— Я запрошу у юриста формулировку без категорических утверждений. Но фотографии без атрибуции в каталог не пойдут.

— Согласна. Именно это и требуется.

— И не нужно говорить об этом так, будто мы совершили преступление.

— Я не говорила.

Конрад вошёл в кабинет после короткого стука.

— Рут, архитектор просит подтверждение по передвижным стендам. Я собирался забрать ваш ответ.

Он увидел распечатки, но не взял их.

— Что случилось?

— Госпожа Мартен проверяет нашу литературную точность, — сказала Рут.

Ева объяснила разницу между проверяемыми фактами и рекламной фразой. Говорила короче, чем прежде. Её вывод был прост: историю одиночества Густава нельзя преподносить как доказательство того, что у него никогда не было близких отношений.

Конрад посмотрел на снимок с женщиной.

На мгновение его лицо стало неподвижнее обычного. Но если что-то привлекло его внимание, он не объяснил что.

— Кто она? — спросил он.

— Пока не установила, — ответила Ева. — Я сейчас проверяю фондовые подписи и записи о технической съёмке.

— Фотография относится к двум тысячам восьмому?

— Согласно журналу, да.

— Значит, в тексте должна остаться только подтверждённая часть, — сказал Конрад. — Не женился, не имел детей — если документы это подтверждают. Остальное уберите.

Рут тяжело вздохнула.

— Ещё одно согласование.

— Лучше сейчас.

Позднее, уже в служебной комнате Ханны, Ева нашла пачку рабочих журналов за 2008 год. Управляющая освободила для неё стол, достала из шкафа коробку с номерными конвертами и предупредила, что в некоторых журналах страни-

цы перепутаны при переплёте.

— Если решите, что тут кто-то намеренно прятал сведения, сначала спросите меня, — сказала она. — Иногда всё объясняется протекающей трубой и плохой памятью у переплётчика.

Ева рассмеялась.

— Это разумная последовательность гипотез.

Они стали сверять номера снимков с датами записей. Ханна находила счета, Ева — ссылки на кадры. В нескольких документах упоминалась техническая съёмка полотен, и часть файлов относилась к RH-17. Один и тот же номер появлялся в журнале дважды — в начале месяца и после изменения режима влажности. Ева пометила связь, но пока не понимала её значения.

Затем Ханна принесла вторую коробку фотографий, которую не успели внести в обновлённый перечень. На верхнем конверте стояло привычное «Галерея. 2008». Внутри был тот самый отпечаток с Густавом и женщиной, только на этот раз — не копия из цифрового набора, а более ранняя бумажная версия, сохранившая оборотную запись.

Ева осторожно перевернула его в защитном уголке.

Сначала она увидела имя: «Нина».

Ниже шла короткая подпись, исполненная другой рукой: «N. Belle. Сверка изображений и описей. RH-17. Сентябрь 2008». Рядом стояла отметка о передаче материалов для галереи и номер рабочей папки.

Ева попросила Ханну принести журнал под этим номером.

— Это та женщина? — спросила управляющая, взглянув на оборот.

— Похоже, да. Во всяком случае, имя и рабочая запись относятся к этому снимку.

— Не помню её, — сказала Ханна. — Совсем.

Она произнесла последнее слово с такой досадой, словно не могла простить себе обычной человеческой забывчивости. Ева уже хотела успокоить её, но остановилась. Нельзя было обещать, что чужое лицо обязательно должно храниться в памяти восемнадцать лет.

— Зато у нас есть её собственная подпись, — сказала Ева. — И это лучше предположения.

Ханна кивнула и пошла за журналом.

Оставшись одна, Ева снова посмотрела на фотографию. Рядом с Густавом стояла не безымянная гостья, случайно попавшая в кадр. Нина выполняла работу, непосредственно связанную с картиной, которую сейчас собирались выставить как пустую гостиную.

Глава 5. Имя без лица

Муниципальный архив Бернфельса по субботам работал до часу дня. Ева узнала об этом в половине девятого утра, стоя перед дверью маленькой булочной на углу площади. На телефоне рядом с часами открытия значилось: «Посетители по предварительной записи». Ниже была ссылка на электронную базу периодики.

Она позвонила.

— На сегодня свободно одно место, — ответила женщина на другом конце провода. — Но вы успеете только посмотреть каталог и заказать цифровые копии. Старые дела поднимают по будням.

— Мне нужны общедоступные газеты за две тысячи восьмой и каталог городских выставок.

— Тогда приходите. Паспорт возьмите.

Ева купила кофе и пошла через площадь. Бернфельс утром выглядел моложе, чем во время её приезда: возле остановки подростки спорили о музыке, рабочие выставляли на улицу столики кафе, на стене ратуши висело объявление о ремонте городской водопроводной сети. Ни один человек не замечал, что в историческом доме за городом кто-то нашёл старую фотографию женщины с незнакомым именем.

Это её немного успокоило. Загадка по-прежнему могла иметь самое обычное объяснение.

В читальном зале архива стояло всего пять столов. У дальней стены тихо работал принтер, за стойкой сидела пожилая сотрудница в очках с красной оправой. Она проверила документы Евы, выдала карточку посетителя и показала, как пользоваться сканированными газетными подшивками.

— Фамилии ищите во всех вариантах написания, — посоветовала она. — Редакторы иногда меняли акценты в иностранных именах. А если речь о частном лице, не всё индексировано.

Ева поблагодарила её и начала с имени Нины Белль.

Первые результаты относились к музыканту с похожей фамилией. Следующие — к небольшой выставке двадцатилетней давности, организованной при участии городского музея. Ева открыла электронный каталог; в списке специалистов значилась «Нина Белль, приглашённый консультант по истории собраний», без фотографии. В разделе о реставрационной документации содержалась короткая благодарность за работу с атрибуциями живописи.

Профессия совпадала с надписью на обороте отпечатка.

Через несколько минут поиск выдал заметку из городской газеты, датированную осенью 2008 года.

«Полиция уточняет обстоятельства исчезновения иностранной специалистки», — гласил заголовок.

Ева открыла текст.

Сначала она увидела возраст Нины. На год моложе, чем Ева сейчас. Потом — строку «разыскивается», напечатан-

ную без фамильных титулов. Ева машинально потянулась за стаканом воды и ударила его локтем. Вода расплескалась на стол, не задев документы. Архивистка без слов протянула салфетки. Еве стало стыдно за эту нелепую панику; она вытерла стол и перечитала заголовок уже медленно.

В заметке сообщалось, что Нина Белль, искусствовед, работавшая некоторое время с частным собранием в Ротенхофе, не вышла на связь после запланированной встречи. Её отсутствие заметили не сразу. Сведения о поездке проверяли, местная полиция обращалась к иностранным коллегам. Представитель ведомства просил тех, кто располагал информацией о передвижениях женщины, связаться со следователем.

Где она была в последний раз, газета не утверждала. Время исчезновения оставалось приблизительным. Не было и слова о смерти.

Ева прочла заметку повторно, затем открыла страницу с номером выпуска. Она хотела убедиться, что не смотрит на текст, неправильно соединённый с заголовком при оцифровке. В факсимильной копии всё совпадало.

Нина Белль действительно существовала. Работала с искусством. Пропала после периода сотрудничества с домом, где теперь готовили музейную выставку. И Густав фон Ротен стоял рядом с ней на сохранившемся снимке.

Ева отвернулась от монитора, как будто хотела на мгновение увидеть что-нибудь не связанное с цифрами и фамили-

ями. На соседнем столе молодой человек переписывал сведения о старом мосте. В коридоре звякнула чашка. Снаружи за окном шла самая обыкновенная суббота.

Она не знала, что почувствовала прежде — тревогу или стыд за вчерашний спор с Рут. Тот спор казался ей вопросом точной подписи. Теперь она представляла себе семью женщины, которая когда-то прочла объявление о поиске, отвечала на звонки, ждала новостей, возможно, спустя годы устала от ожидания. А в Ротенхофе собирались вывесить изящную фразу о человеке, «не разделившем жизнь ни с кем», будто никто другой вообще не имел права оказаться частью его истории.

Ева обратилась к архивистке:

— Могу ли я получить копию этой газетной заметки с библиографической ссылкой?

— Конечно. Она общедоступная. Укажите издание и дату. Если нужны материалы полицейского дела, у нас их нет и мы не можем вам их предоставить.

— Мне не нужны закрытые материалы. Только публичные сведения.

Архивистка кивнула и направила файл на рабочую станцию.

В каталоге городских мероприятий нашлась ещё одна короткая запись: в 2008 году Ротенхоф предоставлял часть изображений для научного проекта. Список участников включал Нину Белль как независимого консультанта. Ева со-

хранила идентификатор публикации и сверила его с подписью на фото. Там, где ей не хватало подтверждения, она поставила вопросительный знак.

Покидая здание, Ева позвонила Рут.

— Я нашла публикацию о Нине Белль, — сказала она. — Это не просто приглашённая гостья. Она работала с коллекцией и исчезла в две тысячи восьмом. Газетная заметка общедоступна.

На другом конце провода наступила тишина.

— Вы уверены, что это тот же человек? — спросила Рут.

— Пока достаточно уверена, чтобы просить проверку. Имя, профессия, год и место совпадают. У меня есть ссылки на два независимых источника.

— Вы собираетесь расследовать исчезновение?

— Нет. Я собираюсь не допустить публикации заведомо неполной семейной легенды.

— Мы вчера уже согласились убрать фразу.

— Фраза — не единственная проблема. Надо проверить весь раздел о Густаве. Там рассказано о последних годах его жизни так, словно никто не знает ничего о другом человеке рядом с ним. А он мог быть последним, кто работал с Ниной.

— Не утверждайте того, чего не доказали, — жёстко сказала Рут.

— Именно об этом я прошу и вас.

Рут выдохнула.

— Пришлите источники. Сегодня я ничего не успею со-

гласовать.

— Пришлю.

Ева отправила ссылки сразу, стоя у входа в архив. Затем завела машину и поехала не к Ротенхофу, а в маленькую квартиру, которую снимала на время работы. Ей нужен был час без разговоров и возможность спокойно сопоставить бумаги.

В квартире было светло и почти пусто. На кухне стояли две одинаковые чашки, купленные хозяином жилья, на подоконнике — растение с сухими листьями. Ева поставила чайник, раскрыла ноутбук и создала отдельную папку «Нина Белль — публичные источники». Она специально назвала её так, чтобы не смешать данные с исследованием самого живописного полотна.

В одном файле находилась газетная публикация. В другом — каталожная запись. В третьем — выписанные из разрешённого фотофонда номера. Между ними она оставила пустую таблицу дат.

После обеда ей позвонил Конрад.

— Рут переслала мне заметку, — сказал он без вступления. — Вы хотите остановить печать каталога?

— Да. По меньшей мере раздела о Густаве до проверки.

— Полная остановка типографии обойдётся дорого.

— Я прошу заморозить только материалы, затрагивающие частную историю.

— Вы очень легко произносите «заморозить», — сказал

Конрад. — Людям уже заплатили за работу.

— А Нине, может быть, тоже. Вы не знаете даже, где она пропала.

Он замолчал. Ева услышала собственную резкость и не стала забирать слова назад.

— Остальная экспозиция может идти дальше, — добавила она.

— Вы понимаете, что наша публикация не делает утверждений об исчезновении Нины?

— Именно поэтому и возникает проблема. Если человек работал над предметом в вашей коллекции и потом пропал, это часть происхождения документации. Её нельзя просто пропустить, если мы претендуем на полноту.

Конрад некоторое время молчал. Ева слышала в трубке шум далёкого разговора и то, как закрылась дверь.

— Вы нашли связь с конкретной картиной? — спросил он.

— На обороте снимка стоит RH-17. Я пока не могу сказать, что Нина изучала именно красочный слой. Но она работала с материалами этой части галереи. И её имя можно проверить независимо.

— Что вы предлагаете?

— Отменить категорическую биографическую формулировку и не выпускать раздел до научного уточнения. Проверить, какие материалы Нины сохранились в фонде. При необходимости передать информацию уполномоченным людям, а не притворяться, что у нас есть все ответы.

— Вы ведь ещё не знаете, была ли она близка Густаву.

— Нет. И не буду приписывать ей такого статуса. Но я уже знаю, что она не просто безымянная фигура в вашем фотоархиве.

Конрад ответил не сразу.

— Хорошо. Я распоряжусь остановить этот раздел. Остальные материалы продолжат подготовку.

Ева ощутила неожиданное облегчение. Не триумф — скорее возможность снова спокойно работать.

— Это дорогое решение, — сказала она.

— Я умею считать. Просто не всегда знаю, какие цифры следует считать первыми.

В его голосе появилась усталость, которой вчера не было.

— Вы не обязаны отвечать за исчезновение женщины, произошедшее задолго до вашего владения домом, — заметила Ева.

— Нет. Но я отвечаю за то, что мы собираемся напечатать сейчас.

Она помолчала. Впервые его слова прозвучали не как вежливое исполнение договора, а как личная позиция.

— Спасибо за решение, — сказала она.

— Лучше благодарите, когда мы получим достоверный текст.

Звонок закончился.

В воскресенье она вернулась к электронным подшивкам, доступным удалённо. Прямых новостей о судьбе Нины после

первых недель поисков не нашлось. Зато в небольшой заметке о международном обращении за информацией упоминалась родственница, которая просила не закрывать проверку только потому, что следы обрывались у границы.

«Сестра пропавшей, Адель Белль, проживающая в соседнем государстве…»

Ева остановилась на этой строке.

Вся история до сих пор существовала для неё как набор снимков, бумаг и неудобных музейных подписей. Теперь за именем Нины обнаружился человек, который когда-то сам просил о помощи.

Она не стала немедленно искать номер Адель или писать ей без подготовки. Сначала нужно было установить, какие сведения уже стали публичными и зачем именно обращаться к родственнице. Но она выписала имя и точную ссылку на статью.

И где-то за пределами Эстервальда жила её сестра, от которой мир так и не получил ответа.

Глава 6. Два слоя

В понедельник, двенадцатого октября, у «Пустой гостиной» сняли раму с наружного защитного крепления, но не отделили её от холста. Работа заняла больше времени, чем Ева предполагала: два винта были заменены при позднем ремонте, один держался слишком крепко, другой почти не держался вовсе. Каждое движение записывали. Хранитель стоял рядом, помогая удерживать раму, Рут сверяла процедуру с подписанным листом.

Упаковочный стол придвинули к стене только после того, как освободили проход. На него положили мягкую опору для временного исследования, заранее проверенную по размерам. Ева дважды попросила остановиться, прежде чем полотно оказалось в безопасном положении. Никто не спорил.

— Каждый раз, когда вы говорите «подождите», я начинаю представлять новые счета, — заметила Рут.

— Счета дороже, когда я молчу.

— Вы отвечаете так быстро, что это несправедливо.

— У меня было несколько лет практики.

Когда подготовку закончили, Ева впервые рассмотрела оборот RH-17 при хорошем свете. Ткань была натянута не идеально. На деревянном подрамнике сохранились следы старого крепления, отличавшиеся от нынешних. Рама имела другую историю: поздняя отделка, следы замены подвесов,

чернила на внутренней планке. Ева записала всё, не пытаясь пока соединить эти сведения в одну дату.

— Вот надпись, о которой вы спрашивали, — сказала Рут, указывая на нижнюю перекладину рамы.

Ева прочла её.

Число было неразборчивым в первой цифре, остальные хорошо сохранились. Под ним — сокращённая фамилия и пометка мастерской. Рут объяснила, что в предварительной карточке эти сведения использовали как один из ориентиров для датировки.

— Рама может быть моложе полотна, — сказала Ева.

— Может. Но другого основания у нас почти не было.

— Тогда его следовало назвать основанием для датировки рамы.

Рут открыла рот, чтобы ответить, потом закрыла. Спорить с этим было нечего.

Ева занялась кромками холста. Именно там иногда удавалось увидеть отношения слоёв лучше, чем в центре изображения: живопись могла заходить под более позднее крепление, грунт оставаться открытым, а поздняя запись обрываться на линии рамы. Под увеличением она нашла несколько участков, где верхняя краска не вполне доходила до старого края. На этих местах различались два разных по характеру нанесения краски. Один был плотным и широким, другой — более мелким, тщательно сглаженным.

— Вы видите две картины? — спросила Рут.

У Евы неприятно пересохло во рту. Она сама очень хотела ответить «да». За этим словом сразу следовали газеты, статьи, благодарности и новая работа. И возможность прославиться на чужом портрете, который пока даже не виден.

— Я вижу как минимум две стадии работы. Это не всегда означает две самостоятельные картины.

— В чём разница?

— Автор мог переделать собственное изображение. Реставратор мог переписать повреждённый фон. Новый владелец мог заказать изменение сюжета. Пока мы не знаем ни причины, ни времени.

В мастерской уже лежали технологические фотографии RH-17, сделанные в разные годы. Большинство было слишком общим для исследования. Но в одной папке хранилось несколько изображений участков холста при другом спектральном освещении и лист с рекомендацией проверить «подлежащие контуры». Там же сохранилась запись о наблюдаемом промежуточном слое на границе старой краски.

Линия, которую она два дня назад принимала за возможное плечо, имела продолжение. Под поздним изображением стены читалась более широкая композиция. На одном участке виднелось нечто похожее на край одежды, ниже — изгиб, который не совпадал с архитектурой гостиной. В другом месте рентгенографическая запись старого обследования показывала распределение плотной светлой краски там, где на поверхности должна была быть ровная тень стены. Эти при-

знаки не позволяли увидеть лицо и не давали готовой даты, но вместе переставали быть случайным нарушением фактуры.

Ева долго сидела над сопоставлением.

Одна линия сама по себе могла обмануть. Две, пересекающиеся с прежней композицией, — тоже. Но здесь части повторяли друг друга на независимых изображениях, а старые технические записи указывали на межслой между ними. Самостоятельная живописная композиция под верхней записью становилась наиболее обоснованным объяснением.

Она составила заключение так, чтобы сила формулировок соответствовала силе признаков.

«Под видимым интерьерным изображением находится ранее завершённая фигурная композиция, частично перекрытая поздним красочным слоем. Отношение материалов требует дальнейшего исследования. Точная датировка обеих стадий и авторство не установлены».

Ева перечитала фразу. «Ранее завершённая» звучало смело. Она снова проверила изображения. Нижние контуры были связаны между собой достаточно последовательно, чтобы не казаться разрозненными предварительными мазками.

Эту часть вывода она оставила.

После обеда Конрад приехал из Бернфельса и нашёл её за столом со схемой слоёв. На нём был графитовый костюм, рукав правой сорочки чуть помят у запястья. Он остановился возле двери, ожидая приглашения войти в рабочую зону.

— Рут сказала, вы нашли вторую живопись, — произнёс он.

— Подтверждение самостоятельной нижней композиции. Мы пока не знаем, что именно на ней изображено.

— Но это уже больше, чем в каталоге.

— Намного больше.

Конрад взглянул на схему. Ева объяснила, что можно говорить о разных стадиях работы, о поздней записи, о сохранившемся под ней изображении. Объяснила и то, чего пока не знает: когда произошло изменение, кому принадлежит кисть, насколько устойчив промежуточный слой.

— В каталоге стоит конец восемнадцатого века, — сказал Конрад.

— Там стоит дата, выбранная без достаточного основания. Не путайте напечатанный текст и происхождение предмета.

Он принял поправку.

— Что потребуется дальше?

— Ограниченные пробы на заранее выбранных участках. Не расчистка фигуры, а проверка поведения верхнего слоя, лака и защитной границы. Но сперва согласование схемы с хранителем, оценка рисков и фотографирование. Мы можем узнать, что делать нельзя, и на этом остановиться.

— А если выяснится, что под интерьером женский портрет?

Ева почувствовала, как быстро вопрос достиг её собствен-

ной догадки. Слишком быстро.

— Тогда это будет новое произведение для исследования, — сказала она. — А не повод немедленно снять краску ради фотографии для прессы.

— Я спросил не о рекламе.

— Я отвечаю заранее. Такие находки любят превращать в события прежде, чем их успевают понять.

Конрад отошёл к окну. Внизу рабочие выгружали стальные стойки для временной экспозиции. Он смотрел на них, не торопя её.

— Когда я получил этот дом, мне советовали продать часть коллекции, — сказал он наконец. — Несколько картин можно было бы реализовать без большого скандала. Но я не хотел принимать решение, не понимая, что именно здесь хранится.

— Сейчас вы по-прежнему не знаете.

— Кажется, начинаю понимать масштаб незнания.

— Это полезное начало.

Он повернулся.

— Вы можете подготовить план проб и внести в него любые основания для остановки. Я разрешаю исследования в рамках договора. Если потребуется отдельное согласование по охране наследия, мы пройдём его заранее. Только прошу: не делайте из этого тайну внутри нашей рабочей группы.

Ева удивилась последним словам. После истории с Ниной они звучали почти как обещание, которого она не просила.

— С моей стороны никакой тайны не будет, — ответила она. — Я считаю себя обязанной сообщать и об ошибках, и об ограничениях.

Конрад чуть кивнул.

— Хорошо.

— И ещё одно условие. Заключение не должно переписываться ради удобства рекламного отдела.

— Моей подписи под вашим заключением не будет, если вы её не потребуете.

— Я потребую только подтверждение, что его получили.

— Это я уже понял.

Позднее Рут пришла проверить проект заключения. Она долго читала формулировки и наконец указала на строку о фигурной композиции.

— Это означает, что нам придётся менять раздел выставки.

— Да.

— И переставлять как минимум три работы. Всё было построено вокруг предполагаемого интерьера восемнадцатого века.

— Тогда лучше поменять последовательность сейчас.

Рут сложила листы.

— Знаете, что неприятнее всего? Я согласна с вами. Но мне от этого не легче.

— У научной корректности есть досадный недостаток: она не ремонтирует бюджет.

— А у вас есть досадный недостаток: вы произносите такие вещи, как будто платите наши счета.

— Я плачу своей репутацией, если подпишу неверное заключение.

Рут посмотрела на неё иначе, чем прежде.

— Хорошо. В протоколе укажем ваш вывод и возможные варианты исследования. А разговор о происхождении картины продолжим, когда будут доказательства.

— Договорились.

К вечеру Ева и Рут вместе сверяли старые каталоги. Ханна принесла ещё один том, найденный в закрытом шкафу бывшей конторы. Листам требовалась поддержка при раскрытии; переплёт был хрупким, некоторые страницы имели следы давних заломов. Ева работала не торопясь, подставляя нейтральные прокладки, чтобы не травмировать корешок.

На полях одной страницы стояла поздняя приписка. Дальше следовал перечень из четырёх полотен. Третье было обозначено размером, совпадавшим с «Пустой гостиной». Название, однако, не совпадало.

Ева наклонилась ближе.

— Рут, — сказала она, — вы можете подойти?

Куратор поставила чашку на отдельный стол и подошла. Ева указала на строку, не касаясь бумаги.

— Здесь размеры и расположение. Проверьте по другому перечню.

Рут сравнила записи. На её лице медленно исчезла уста-

лость рабочего дня.

— Это та же рама?

— Этого мы пока не знаем. Та же позиция по размерам и месту хранения — вероятно. Нужно проверить цепочку инвентарных записей.

— Но название…

Ева прочитала его вслух:

— «Портрет женщины».

Рут подалась вперёд и упёрлась ладонью в стол. Долго стояла так, словно боялась случайно потрогать бумагу. Потом достала из сумки телефон и выключила звук. Где-то в типографии, вероятно, опять ждали её ответа.

— Подожди, — сказала она самой себе, впервые забыв вежливое «госпожа Мартен». — Это ведь мог быть настоящий человек.

Ева не поправила её.

Они молчали.

В комнате за окном ещё раз проехала уборочная машина. Где-то в коридоре Ханна закрыла шкаф ключом. Мир продолжал заниматься привычными делами, а на столе лежала запись, в которой у «Пустой гостиной» впервые обнаружился человек.

Глава 7. Другая женщина

В старом фотофонде оказалось легче найти человека, которого никто не помнил, чем шкаф, в котором должны были лежать его документы.

Ханна показывала Еве третий по счёту ящик, открытый утром тринадцатого октября, и недовольно оглядывала его содержимое.

— Это не наш порядок, — сказала она. — Коробки с таким номером должны были перенести в нижнее хранилище два года назад.

— Возможно, перенесли, а потом вернули?

— Тогда в журнале была бы запись.

Ева посмотрела на разложенные конверты. Все имели отметки о перемещении, но две были сделаны разными системами нумерации. Внешние наклейки относились к новой инвентаризации, внутренние — к старой.

— Давайте начнём с первого расхождения, — предложила она. — Не с последнего.

Ханна чуть склонила голову. В её взгляде появилась благодарность, которую она тут же скрыла привычной строгостью.

— Вы приехали исследовать картину, а не исправлять наш склад.

— Если мы не знаем, откуда снимок, он не поможет дати-

ровать картину.

— Справедливо.

Когда нужный ящик нашли, Ева попросила Ханну проверить номера на обложке и внутренней описи. Только после этого они открыли упаковку в предназначенном для просмотра помещении. Стеклянная пластина лежала в защитном конверте и имела собственную маркировку. Ева не касалась её поверхности; для подробного технического осмотра требовался специалист по фотоматериалам.

На просвет изображение было трудно прочесть без увеличенного цифрового просмотра, но в разрешённой копии различались мужчина и женщина возле строительных лесов в галерее. На заднем плане висели картины; одна из них занимала место, соответствующее будущей «Пустой гостиной». Лица были достаточно чёткими, чтобы увидеть возрастные различия, но недостаточно, чтобы строить биографии по выражению глаз.

Под копией стояла надпись: «Галерея Ротенхофа, около 1888 года». Фамилию женщины кто-то позднее попытался стереть. На подлинном конверте находилась похожая запись, но чернила на нём были повреждены; Ева не могла определить, была ли поправка сделана в то же время.

— У нас есть реестр этих негативов? — спросила она.

— Есть книга поступлений, — ответила Ханна. — Но она использовалась несколько десятилетий. Там всё записано разными людьми.

— Это даже лучше, если можно восстановить хронологию.

Они открыли книгу. Записи менялись от аккуратных таблиц до коротких строк на полях. Ева нашла номер пластины и сопоставила его с описанием художественного заказа. В документе было сказано о декоративных работах в галерее, счёте за материалы и приглашённой художнице. Имя оказалось сокращено: «М. Краус».

— Женщина на снимке могла быть исполнителем? — спросила Ханна.

— Могла. Но сначала нужно понять, к чему относится запись. Заказ могли выполнять несколько человек.

Ханна посмотрела на неё с чуть заметной улыбкой.

— Вы никогда не позволяете себе хорошую догадку?

— Позволяю. Просто не выдаю её за факт.

В обед Ева отправила Майе Бергер разрешённые каталожные данные и техническое изображение пластины, не пересылая лишних семейных материалов. Майя ответила из мастерской музея, где работала над повреждённым фотоархивом.

— Похоже на обычную стеклянную негативную пластину своего времени, — сказала она после просмотра. — Но точную датировку по одному изображению не устанавливай. И не пытайся чистить её сама.

— Даже в мыслях не было.

— Знаю, но иногда ты начинаешь считать, что раз умеешь

смотреть через микроскоп, тебе подвластно всё, что в него попадает.

— Спасибо за доверие.

— Это и есть доверие. Я могу сказать тебе неприятное, а ты всё равно перезвонишь.

В середине дня Рут пришла с макетом нового пресс-релиза.

— После вашей истории с Густавом мы сделали текст сдержаннее, — сказала она. — Но здесь хочется показать работу наших мастеров. Посмотрите подпись к стеклянной пластине.

Под снимком было написано: «Неизвестная художница восстанавливает забытый интерьер дома. Вероятно, автор одной из центральных работ экспозиции».

Ева перечитала текст.

— Почему «восстанавливает»?

— Потому что она стоит рядом с лесами.

— На снимке нет доказательства, что она занимается реставрацией. Она могла расписывать комнату или вести замеры.

— Тогда «работает в галерее».

— Это можно.

— А «автор центральной работы»?

— Тоже нельзя. Пока мы знаем только, что в документах есть счёт на работы и фамилия, возможно, связанная с кадром.

Рут провела пальцем по краю листа.

— В таком виде история перестанет быть интересной.

— Её интерес не должен зависеть от выдуманного авторства.

— Я знаю, что вы скажете о репутации.

— Тогда сэкономим время.

Рут убрала макет, но было видно, что она не удовлетворена. Ева вдруг почувствовала укол сочувствия: куратор отвечала не только перед исследователями. Ей нужно было убедить других людей финансировать музей, объяснить посетителям, зачем смотреть на старые полотна, и сохранить желание открыть двери даже тогда, когда научная работа всё усложняла.

— Мы можем написать по-другому, — предложила Ева. — «Стеклянный негатив из семейного фонда. Галерея, конец XIX века, атрибуция лиц и обстоятельств съёмки уточняется». И показать рядом книгу поступлений. Иногда вопрос сам по себе интересен.

Рут посмотрела на неё.

— Посетители не любят пустых мест.

— Они не любят, когда с ними обращаются как с детьми.

Вечером Конрад позвал обеих в рабочий кабинет. На столе у него лежала последняя версия пресс-релиза, рядом — перечень расходов по наружной рекламе.

— Мне сказали, есть спорная подпись, — начал он.

Рут объяснила свою позицию прежде, чем Ева успела от-

крыть папку. Она говорила спокойно, но не скрывала раздражения: после удаления уверенных формулировок весь текст, по её мнению, терял выразительность. Ева показала, какие данные подтверждены, а какие нет.

Конрад изучил оба варианта.

— Второй точнее, — сказал он.

— И скучнее, — возразила Рут.

— Пусть тогда фотография будет интереснее текста. Только не приписывайте женщине работу, которой мы не можем доказать.

— Партнёры уже видели предыдущую версию, — напомнила Рут.

— Значит, получат исправление.

Она посмотрела на него прямо:

— Вы готовы объяснять им, почему ваш музей сам не знает, кого показывает?

— Да. Потому что он ещё не открылся и именно поэтому мы платим людям за исследования.

Рут собрала макеты.

— Вы оба очень удобные собеседники, пока не касается печати.

После её ухода Конрад задержал Еву ещё на минуту.

— Вам удалось связать снимок с полотном?

— Пока с галереей и её историческим оформлением. Это уже достаточно для следующего шага. Но не для вывода о личности женщины.

— Вам не кажется, что здесь слишком часто меняют имена?

Ева не сразу поняла вопрос.

— В описях? Да. Но в старых частных собраниях это бывает. Предметы получают условные названия, владельцы предпочитают семейные прозвища, переписчики ошибаются.

— А когда имена пропадают совсем?

— Тогда приходится искать причину. Она не обязательно страшная.

Он смотрел на неё с выражением, которое нельзя было назвать ни недоверием, ни спокойствием.

— Я привык, что дом — это стены, люди и обязанности, — сказал он. — А теперь вы показываете мне, что он состоит ещё и из отсутствующих строк.

— Любой архив состоит из них, — ответила Ева. — Главное — не заполнять их выдумкой.

На следующий день Ханна попросила помощи с переносом учётных номеров. Двое сотрудников были заняты монтажом; нужно было восстановить последовательность перемещений части фонда, чтобы не ошибиться при передаче материалов в музейный сектор. Ева могла отказать: её договор не предусматривал разбор хозяйственного реестра. Вместо этого она пришла после собственных измерений и села за свободный стол.

— Я не заставляла вас, — сказала Ханна.

— Знаю. Но если мы не закончим, завтра опять начнём поиски той же коробки.

Они работали почти два часа. Ханна называла номера старых шкафов, Ева сверяла наклейки, обе ставили отметки там, где данные не совпадали. Управляющая иногда рассказывала о прежних ремонтах: как перевозили полотна во время протечки, почему одна из дверей была заложена ради отопления, как Густав запрещал выбрасывать даже сломанные стулья, если они значились в описи. Ева слушала не из вежливости. Все эти бытовые сведения объясняли путь вещей точнее, чем самые торжественные слова в каталогах.

Когда Ханна вышла за новой папкой, в дверях появился Конрад.

— Вас здесь не должно быть, — заметил он.

Ева подняла глаза.

— Почему?

— Вы приехали заниматься живописью. А сидите над хозяйственными накладными.

— Если я сейчас уйду, утром потеряю ещё час, разыскивая одну пластину. И госпожа Фогель потеряет час вместе со мной.

Он прошёл к столу и посмотрел на схему перемещений.

— Это старые расходы на хранение?

— Частично. Остальное — записи о том, куда переселяли вещи во время ремонтов.

— Густав любил переносить шкафы больше, чем покупать

новые, — сказал Конрад.

— Ханна считает, что он просто не хотел ничего выбрасывать.

— Она права.

Ева отложила карандаш. В комнате стоял запах старого картона и машинного масла от замка шкафа. Было уже поздно, и за окнами темнело. Конрад не выглядел человеком, который пришёл проверить, сколько часов отработала приглашённая специалистка.

Конрад заметил на столе открытую коробку с наклейками и взял одну.

— У вас на рукаве клей.

— Замечательно. Можете записать в смету порчу реставратора.

Он протянул ей носовой платок. Ева попыталась оттереть липкое пятно, только размазала его и рассмеялась от досады. Конрад взял другую салфетку, но не приблизился без просьбы. Эта маленькая нерешительность почему-то тронула её сильнее его неизменной деловой уверенности.

— Вы собирались открыть музей ради дома? — спросила она.

Вопрос оказался резче, чем она намеревалась.

Конрад не обиделся.

— Ради того, чтобы у него была причина существовать, кроме фамилии на воротах.

— Это не совсем одно и то же.

— Конечно. Я получил дом, который требует денег, времени и людей. Продать его целиком было бы проще. Но здесь работают сотрудники, которые знали его задолго до меня. И есть собрание, за которое никто не захотел отвечать до конца.

— Вы боитесь, что придётся всё закрыть?

Он ответил не сразу.

— Боюсь пообещать им будущее, которого не смогу обеспечить. Когда мы наняли дополнительных смотрителей, я настоял на обычных контрактах, а не на временных соглашениях до открытия. Теперь это моя ответственность независимо от того, сколько раз мы передвинем дату.

— Тогда тем более нельзя начинать музей с неверной истории, — сказала она.

— Я к этому прихожу. Медленнее, чем вы.

— Вы отвечаете за большее число вещей.

— Это не всегда хороший повод опаздывать с правильным решением.

В коридоре послышались шаги Ханны. Она вошла с очередной пачкой бумаг и остановилась, увидев хозяина за столом.

— Вы тоже хотите заниматься накладными? — спросила она без особой почтительности.

— Я уже достаточно ими занимаюсь, Ханна.

— Тогда не мешайте специалистам.

Конрад поднял руки в коротком примирительном жесте.

Ева невольно улыбнулась. И он улыбнулся тоже — так, словно давно привык к подобной прямоте управляющей и никогда не считал её оскорблением.

Когда он ушёл, Ханна сказала:

— Ему было тридцать девять, когда достался дом. Он не знал и половины того, что здесь устроено. Зато не стал делать вид, будто знает.

Ева не ответила. Она впервые почувствовала не симпатию к дорогому костюму и спокойному голосу, а уважение к человеку, которому было страшно не справиться с обязанностью и который всё равно оставался.

Перед закрытием комнаты Ханна нашла недостающий счёт. Он лежал не в фотофонде, а в папке художественных заказов за 1888 год. В строке расходов стояло полное имя: «Мария Краус». Указывались материалы для декоративной работы и последний расчёт, дата которого совпадала с периодом съёмки стеклянного негатива.

Ева аккуратно переписала данные и сверила номер платёжной записи.

На следующей странице, где должны были подтверждать выдачу оставшейся суммы исполнителю, вместо подписи была поздняя короткая помета:

«М. Краус. Не найдена».

Ниже не значилось ни объяснения, ни даты смерти, ни указания, кто именно пытался её найти.

Ева долго смотрела на два слова.

Мария должна была прийти за деньгами. В этих двух словах не было ни смерти, ни похорон, ни рассказа о любви — только касса, в которой так и лежала невостребованная сумма. Ева вообразила человека, сидящего у пустого окошка и машинально пересчитывающего деньги к закрытию. Эта мелкая подробность оказалась страшнее фамильной легенды.

Глава 8. Слишком новые фотографии

Пятнадцатого октября Ева развесила на стене мастерской три одинаковых по размеру распечатки и попросила Рут сказать, чем они различаются.

— На первой мужчина и женщина, — сказала куратор. — На второй — тоже. На третьей вообще почти ничего не видно.

— Я спрашиваю не о сюжете.

Рут прищурилась.

— Вы выбрали снимки из разных периодов.

— Именно. Один получен со стеклянной пластины конца девятнадцатого века. Другой — современная цифровая фотография, отпечатанная позднее. Третий — увеличенная деталь учётной записи, снятая уже при оцифровке.

— И?

— Если показывать их рядом без указания происхождения, посетитель решит, что это три равноправных свидетельства. Но они отвечают на разные вопросы.

Рут взяла лист с Ниной.

— Мне кажется, большинство людей способны отличить фотографию две тысячи восьмого года от позапрошлого века.

— Большинство — да. Только проблема не в возрасте изображения. Мы сами начали называть все эти вещи «старыми фотографиями», словно возраст бумаги объясняет, почему им можно верить.

В дверях появилась Ханна. Она принесла две упаковки для хранения стеклянных пластин и спросила, куда поставить. Ева освободила ей место, затем вернулась к рабочему столу.

За последние сутки у неё возникла опасная мысль: если в документах дважды обнаруживались женщины, о которых в доме не могли рассказать ничего определённого, возможно, на изображениях есть нечто особенное. Не магия — Ева бы рассмеялась над этим словом ещё неделю назад, — а какой-то общий способ повреждения, неверной атрибуции или изменения копий. Она решила проверить эту мысль до того, как она превратится в убеждение.

Майя вышла на видеосвязь ровно в десять. За её спиной стояли стеллажи с серыми коробками и светильник на длинном кронштейне.

— Показывай, — сказала она. — Только по одному предмету. И не говори, что у тебя появился таинственный стеклянный негатив, который умеет переживать столетия.

— Наоборот. Хочу доказать себе, что он обычный.

— Это уже разговор.

Ева открыла высококачественную фондовую копию пластины 1888 года и отдельно показала вид конверта с номе-

ром. Майя уточнила, видна ли эмульсионная сторона и есть ли описание толщины стекла. Ева прочла имеющиеся данные, аккуратно отделяя наблюдаемое от того, что лишь предполагал прежний каталог.

— Тип носителя вполне возможен для конца девятнадцатого века, — сказала Майя. — И не похож на снимок, сделанный через сто двадцать лет. Но я не стану датировать эмульсию дистанционно по одному файлу.

— Мне нужна не датировка по изображению. Я хочу понять, может ли копия скрывать перестановку или позднюю подпись.

— Может. Любая копия может. Поэтому тебе нужен путь от предмета к скану: кто снимал, когда, под каким номером, сохранился ли оригинальный конверт.

Ева показала фондовый журнал.

— Есть запись о поступлении и поздняя наклейка. Пытаюсь восстановить цепочку.

— Вот это и делай. Не ищи в стекле особое свойство, которого мы не измеряли.

Они перешли к снимку Нины и Густава. Майя попросила показать оборот раннего отпечатка, затем цифровой файл, если его разрешено использовать. Даты носителей не совпадали идеально: файл относился к исходной серии, бумажная копия была изготовлена для фондового пользования позже. Майя подчеркнула, что эти различия нормальны и не делают изображение поддельным.

— Значит, ничего необычного? — спросила Ева.

— Необычно то, что ты сравниваешь две личные истории. С точки зрения фотоматериалов — обычные носители, обычные проблемы каталогизации. И это хорошо: их можно проверить.

После звонка Ева написала в протоколе: «Гипотеза о специфическом свойстве фотоматериалов не подтверждена. Изображения рассматривать как документальные свидетельства с различной цепочкой происхождения».

В полдень зашёл Конрад. На столе он увидел фотографии, журналы и разложенные по порядку бумажные карточки.

— Надеюсь, мы нашли ответ? — спросил он.

— Какой именно?

— Почему два разных человека оказались на снимках и исчезли из семейного рассказа.

— Пока я нашла ответ на другой вопрос: нет оснований приписывать самим фотографиям что-то необычное.

Он посмотрел на изображения.

— Никто и не утверждал обратного.

— Я подумала об этом сама. И проверила.

Конрад не насмехался. Однако его следующий вопрос был настойчивым:

— Тогда что мы имеем? Две женщины на двух фотографиях и небрежный каталог?

Ева услышала усталость в его голосе и вдруг рассердилась.

— Вам обязательно нужен ответ, который поместится в

одну строку?

— Желательно в две. У меня совещание через десять минут.

— Тогда у вас плохая новость.

Он открыл рот, передумал и коротко усмехнулся. Иногда она забывала, что он тоже живёт по чужому расписанию.

— Мы имеем Нину Белль, чья пропажа подтверждена открытой газетой, и Марию Краус, имя которой связано с художественным заказом конца девятнадцатого века. Их истории пока нельзя объединять в одно событие. И да, у нас небрежный каталог. Это уже достаточно серьёзно.

— Но вы сами сказали, что совпадение странное.

— Странное не означает объяснённое.

Он провёл пальцами по краю листа, не касаясь самих отпечатков.

— Мне хотелось бы иметь простое техническое решение.

— Например, обнаружить, что все снимки перепутали при оцифровке?

— Именно. Тогда мы восстановили бы правильные подписи и вернулись к выставке.

— Я тоже не отказалась бы. Но пока у нас нет такого объяснения.

Конрад отвернулся к окну. Ева увидела, что спорит не с её методикой, а с необходимостью признать неопределённость. Она сама не любила неопределённость. Разница состояла в том, что Ева привыкла оформлять её в протоколе, а Конрад

— пытался превратить в задачу со сроком решения.

— Есть вещь, которую вы можете сделать, — сказала она.

— Слушаю.

— Утвердить единый порядок сохранения происхождения изображений. Не менять исходные файлы, не переписывать оборотные подписи в каталоге без отметки, кому принадлежит исправление. Сохранять обе версии, даже ошибочную. Тогда любой поздний исследователь поймёт, откуда взялся вывод.

Он повернулся.

— Это потребует новой работы фонда.

— Да. Зато избавит от бесконечного поиска виноватых в будущем.

— Подготовьте короткую инструкцию для Рут и Ханны. Я выделю время сотрудников.

Ева улыбнулась.

— Вы опять просите меня написать документ.

— Вы опять просите меня оплачивать правильную процедуру. Кажется, мы нашли общий язык.

Во второй половине дня Ева работала с Ханной над реестром. Они разделили исходные номера негативов, даты поздних оцифровок, условные подписи и предположительные имена. На каждой карточке оставили поле «основание». Если основанием была старая надпись, писали «надпись». Если газетная статья — указывали её дату. Если кто-то сказал «так всегда называли», эту фразу тоже записывали, но не

как доказательство.

— Вы хотите, чтобы каждый сотрудник стал историком, — заметила Ханна.

— Нет. Хочу, чтобы никто не вынужден был угадывать, что имел в виду предыдущий сотрудник.

— Тогда это хорошее дело.

Ближе к закрытию фонда Ханна вспомнила о конверте, который не подходил ни к одной группе. Он лежал среди счетов на декоративные работы 1888 года, но по размеру и почерку относился к фотопластинам. Ева попросила показать его без извлечения повреждённых вложений.

На лицевой стороне значилось: «М. Краус. Работы в галерее». На обороте поздней рукой была сделана заметка, более подробная, чем в платёжной книге.

Ева придвинула лампу.

В записи говорилось, что художница не явилась за расчётом, а попытки установить её местонахождение не дали результата. Дата заметки относилась к тому же году. Слова были будничными, хозяйственными; они не выражали ужаса или горя. Но именно поэтому звучали убедительно.

Рут, которую они позвали, прочла запись молча.

— Это ещё не доказывает исчезновение, — сказала она наконец.

— Нет, — согласилась Ева. — Она могла уехать, заболеть, отказаться от денег. Но это доказывает, что её искали. Не просто забыли вписать в каталог.

Ханна потёрла ладонью лоб.

— Значит, в доме всё-таки было какое-то дело.

— Было незавершённое обязательство, — сказала Ева. — А мы пока не знаем, чем оно закончилось.

Они сняли с конверта необходимые копии и вернули его на место. Ева вышла из рабочей комнаты позже остальных, унося только свой протокол.

Глава 9. Мать помнит сына

Элеонора фон Ротен терпеть не могла, когда её приглашали на обед с выражением лица человека, которому предстояло сообщить плохие новости.

— Ты опоздал на шесть минут, — сказала она, открывая дверь. — И заранее выглядишь так, словно принёс мне годовой отчёт.

— Добрый день, мама.

— Он, вероятно, станет добрым, когда ты перестанешь стоять на пороге.

Конрад вошёл в квартиру, снял пальто и повесил его на привычный крючок. Элеонора жила в старом квартале Бернфельса, в доме с зелёными ставнями и маленьким внутренним двориком. Здесь не было прислуги и фамильных портретов. На полках стояли книги, в гостиной — пианино, над кухонным столом висели фотографии друзей, детей и давно умершего мужа. Конрад присутствовал на нескольких снимках в таком виде, в каком Рут никогда не решилась бы показать его спонсорам: школьник в плохо завязанном галстуке, студент с нелепой длинной чёлкой, взрослый мужчина с загаром и разбитой губой после горной прогулки.

Мать поставила на стол суп, будто он по-прежнему жил через две комнаты от неё и возвращался домой после уроков.

— По телефону ты сказал, что приехал обсудить музей, —

начала она. — Значит, музей опять приносит неприятности.

— Мы переносим часть печати и, возможно, открытие.

— Потому что нашли что-то важное?

— Потому что выяснилось, как мало мы знаем о нескольких предметах.

— Это и есть важное.

Он улыбнулся.

— Рут с вами бы не согласилась.

— Рут умеет считать даты. Но ты должен помнить, что дату открытия всегда можно передвинуть, а неверную историю — не всегда исправить.

Элеонора не посещала Ротенхоф чаще нескольких раз в год. Он был для неё домом чужой ветви семьи, местом с тяжёлыми шторами и трудными обязанностями. Она не росла там, не воспитывала там сына и никогда не называла его своим родовым гнездом. Оттого её мнение об усадьбе было свободнее, чем мнение людей, связанных с ней работой.

— Мы нашли старую фотографию, — сказал Конрад. — И сведения о женщине, которая исчезла в две тысячи восьмом. Она работала с коллекцией Густава.

— Исчезла — в каком смысле?

— Есть газетная публикация о пропаже. Тело, насколько нам известно, не нашли. Реставратор проверяет связь с одной картиной.

Элеонора положила ложку.

— И что об этом говорил Густав?

— Почти ничего. При жизни он не рассказывал мне о ней.

— Ты хорошо его знал?

— Достаточно, чтобы он завещал мне дом. Недостаточно, чтобы понимать все его решения.

— Тогда, возможно, он и не собирался рассказывать тебе личную историю.

Конрад смотрел на свой стакан воды. Ему было сорок два, но здесь, за кухонным столом, он снова испытывал раздражение от того, как быстро мать замечала то, что он предпочёл бы оставить за дверью.

— У меня есть его письмо, — сказал он.

Элеонора не перебила.

— Не одно письмо. Конверт с записями о женщине и о регулярной съёмке той самой картины в сентябре две тысячи восьмого. Он оставил даты и вопросы. Часть записей относится к Нине Белль.

— Ты показал это реставратору?

— Нет.

— Рут?

— Нет.

Элеонора отодвинула тарелку.

— Тогда почему рассказываешь мне?

Конрад ожидал другого вопроса: почему он хранит личные документы, почему так мало времени уделяет семье, почему не продаёт дом. На этот ответ у него не было подготовки.

— Потому что хочу убедиться, что не предаю память Густава, — сказал он.

Мать посмотрела на него так спокойно, что стало неприятно.

— Память покойного и информация о пропавшей женщине — не одно и то же.

— В конверте могут быть недостоверные вещи. Густав сам сомневался в том, что написал. Я хотел сначала разобраться, прежде чем отдавать листы посторонним.

— Разобраться с кем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.